

РЕЦЕНЗИИ

**Дискуссии о национальных окраинах
в позднеимперской России***Д. Г. Янченко*

Для цитирования: Янченко Д. Г. Дискуссии о национальных окраинах в позднеимперской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 4. С. 1379–1391. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.419>

Монография ученых Южного научного центра РАН «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли» — комплексное исследование стратегии и тактики имперской интеграции иноэтничной периферии, причин политических решений власти и общественных дискуссий XIX — начала XX вв. по окраинной проблематике. Географический охват велик: это Польша и Финляндия, Северо-Западный край и Киевское генерал-губернаторство, Прибалтика, Кавказ и Средняя Азия. Каждая из рассмотренных окраин обладала уникальным правовым статусом и собственным законодательством, экономической базой, сословной структурой общества и неоднородным национальным составом, сложной историей взаимоотношений с Санкт-Петербургом. В последние двадцать лет методологические подходы к изучению имперской истории были дополнены значимыми отечественными и зарубежными работами. Сочетание источников из собраний федеральных архивов России, впервые вводимых в научный оборот, с обширным историографическим наследием позволяет авторам рецензируемой коллективной монографии сформировать новый обоснованный взгляд на историю отношений имперского центра и национальной периферии. Он заключается во взаимовлиянии окраин и столицы, общественности и царской бюрократии. Личностные факторы, влияние на принимаемые решения прессы и публицистики, готовность власти и оппозиции их использовать — важные особенности административных практик империи. Изучение управленческого конфликта центра и регионов в контексте истории российской модернизации имеет не меньший потенциал, чем дискуссии о русском «колониализме», навязываемые зару-

Денис Геннадьевич Янченко — канд. ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7–9; d.yanchenko@spbu.ru

Denis G. Yanchenko — PhD (History), Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; d.yanchenko@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

бежными исследователями. По мнению авторов, модернизационный потенциал империи к началу XX в. оказался исчерпанным, а неспособность реорганизовать систему регионального управления привела к затяжному кризису. Столкновение консервативных и либеральных концепций империостроительства прослеживается на основе подробного источниковедческого анализа публицистики и периодики эпохи. Разнообразные природно-географические зоны России, этнический и религиозный состав населения, богатейшие природные ресурсы обуславливают исключительное цивилизационное значение русской окраинной политики в XIX — начале XX в., внимание к ней современных исследователей.

Ключевые слова: национальные окраины, пограничье, Российская империя, общественная мысль, консерватизм, правительственная политика, региональные элиты.

Discussion on the Issue of National Outskirts in Late Imperial Russia

D. G. Yanchenko

For citation: Yanchenko D. G. Discussion on the Issue of National Outskirts in Late Imperial Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 4, pp. 1379–1391. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.419> (In Russian)

The monograph “National outskirts in the policy of the Russian Empire and Russian social thought” is a comprehensive study of the strategy and tactics of imperial integration of foreign ethnic peripheries, the causes of political decisions of the authorities and public debate of the 19th — early 20th centuries on the problems of borderlands. The geographical coverage is large: Poland and Finland; the Western and Southwestern regions; the Baltics; the Caucasus; and Central Asia. Each of the considered outskirts had a unique juridical status and its own legislation, economy, social classes, diverse national structure, and a complex history of mutual relations with St. Petersburg. In the last twenty years the methodological approaches to the study of imperial history have been significantly supplemented. The combination of new archival sources with extensive historiographical heritage allows the authors of the reviewed monograph to form a new substantiated view on the relations between imperial center and national periphery. They involved mutual influence of the peripheries and the capital: the public and the tsarist bureaucracy. The modernization potential of the Empire by the beginning of the 20th century had been exhausted, and the inability to reorganize the system of regional government led to a protracted crisis. The clash of conservative and liberal concepts of Empire building is evident in the detailed source analysis of periodicals and journalism of the era. Diverse natural and geographical zones of Russia, ethnic and religious population, rich natural resources determine the exceptional civilizational significance of Russian border policy in 19th — early 20th centuries, and the attention to it of contemporary researchers.

Keywords: national outskirts, borderlands, Russian Empire, public thought, conservatism, government policy, regional elites.

Дискуссии о роли наций и национализма по-прежнему популярны среди профессионалов-историков, однако все чаще трактовки фактов и событий российской истории XIX–XX вв. используются в узко политических целях. Вне зависимости от содержания и научного уровня работы авторов-экспертов, оценки действий центральных и региональных властей России со стороны ряда влиятельных политиков и публицистов бывших союзных республик далеки от объективности. «Национальные историки отказываются от общего с Россией прошлого и стремятся ее опорочить».

чить, обвиняя в геноциде, колониальном захвате, уничтожении самобытности»¹. Русофобия в современном мире нередко апеллируют к англо-американской традиции и методологии, и даже взвешенные, во многом справедливые выводы авторитетного исследователя, к сожалению, используются известными инструментами антироссийской пропаганды в постсоветских странах в качестве обоснования собственной значимости². Сложившаяся ситуация подчеркивает важность новых работ отечественных авторов, учитывающих достижения российских и зарубежных ученых³. Книга «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли», вышедшая в 2020 г., — результат длительного труда исследовательского коллектива, представляющего Южный научный центр РАН⁴. Книга написана хорошим русским языком, благодаря логичной структуре изложения легко читается и относится именно к тем изданиям, с которыми приятно знакомиться как в силу качественного содержания, так и оформления.

В монографии подробно прослеживается эволюция общественной мысли в отношении принципиальных для власти направлений окраинной политики. Каждый из разделов книги характеризует определенный феномен, формировавшийся на протяжении 200 лет. Содержательное научное исследование истоков и причин национальных проблем проведено на основе серьезной источниковедческой (с. 571–587) и аналитической работы с литературой (с. 587–605). Помимо трудов отечественных историков XIX в., определивших методологические подходы и оценки государственного строительства русским обществом, авторы обращаются к советским и современным исследованиям, характеризующим работу высших и центральных учреждений, национальную политику, региональную историю⁵.

Введение и первый раздел монографии определяют концепцию работы. Вопрос о «цене окраин» имеет длительную историю и ныне является обязательным для дискуссий по региональной имперской проблематике. Особенно тщательно он прорабатывается в связи с современным национально-государственным строительством на постсоветском пространстве. В исследовании на материалах всеподданнейших записок, научных трудов, личной переписки, научно-популярных и публицистических статей в периодических изданиях выделена роль известных представителей высшей бюрократии (М. М. Сперанского, М. С. Воронцова, Н. Н. Муравьева-Амурского, Н. И. Бобрíkova, А. Н. Куропаткина, С. Ю. Витте) в формировании у верховной власти и русского общества устойчивого мнения о той или иной окраине, ее значимости и перспективах развития.

¹ *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиций к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб., 2014. С. 76.

² *Моррисон А.* «У России аллергия на слово “колониализм”». Восстание 1916 года через призму политики и истории // Радио Азатык. 1 июля 2021. URL: <https://rus.azattyq.org/a/u-rossii-allergiya-na-slovo-kolonializm-vosstanie-1916-goda-cherez-prizmu-politiki-i-istorii/31334649.html> (дата обращения: 26.07.2021).

³ Методологические подходы к осмыслению имперского прошлого постсоветской и зарубежной историографией обобщены Б. Н. Мироновым еще в 2014 г.: *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиций к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб., 2014. С. 31–74.

⁴ *Андреев А. А., Гром О. А., Дмитриева Н. А., Крот М. Н., Нарезный А. И., Урушадзе А. Т.* Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли / под общ. ред. А. Т. Урушадзе. Ростов н/Д., 2020.

⁵ Принципиально важны для выбранной темы работы А. И. Миллера, Б. Н. Миронова, Д. Ливена, К. А. Соловьева, О. Р. Айрапетова, М. Д. Долбилова, Л. Е. Горизонтова, А. В. Ремнева, А. А. Тесли, А. А. Комзоловой, Д. И. Исмаил-Заде, А. Каппелера и др.

Действия местных властей аккумулировали большинство общих черт и проблем, характерных для социально-экономической политики центральных государственных учреждений. При этом они обладали большей свободой в принятии решений на протяжении всего XIX в., что обоснованно и последовательно показывается на протяжении всей рецензируемой работы. Основные проблемы имперского строительства накладывали отпечаток на развитие отдаленных регионов. Национальные противоречия, перераставшие в молчаливое сопротивление власти и существовавшим социальным порядкам, формирование революционно настроенной интеллигенции, постепенный рост национализма среди периферийных элит — вот далеко неполный спектр проблем властей в XIX–XX вв. Для их комплексной характеристики оправдано применение ситуационного подхода А. И. Миллера, с фокусировкой «не на регионе, с его трудно определяемыми пространственными и хронологическими границами, а на ситуации взаимодействия различных акторов»⁶. Целесообразность данного подхода легко подтверждается обнаруженными в центральных, региональных и зарубежных архивах материалами, касающимися правительственной политики в отношении всех окраин России (включая не рассмотренные в книге Сибирь и Дальний Восток).

Взгляд на сенаторские ревизии как систему централизованной проверки качества царской администрации позволил исследователям выделить комплекс схожих проблем разных окраин. Слабая хозяйственная инфраструктура в Закавказье, Бессарабии, Туркестане усугубляла экономическое положение населения, увеличивала управленческие трудности в империи. По образному выражению автора и редактора книги А. Т. Урушадзе: «Главные действующие лица в этой империи два “великих незнакомца” — крестьянин и инородец... губернаторские отчеты и сенаторские ревизии наделяют “незнакомцев” голосами, часто трудноразличимыми, иногда представляющими собой лишь эхо из региональных бюрократических коридоров»⁷. Последствия ошибок и недочетов местных чиновников изучались высшей бюрократией и самим монархом, во многих случаях выводы имели решающее значение при долгосрочном планировании социально-экономических реформ на окраинах. Обратный процесс, однако, происходил с трудом и не повсеместно.

Научный интерес к теме ревизий прослеживается в отдельных публикациях А. А. Андреева, Н. В. Дмитриевой, А. Т. Урушадзе. Сенаторская ревизия Лифляндской и Курляндской губерний 1882–1883 гг., по их наблюдениям, подтолкнула разработку и внедрение принципиально новой политики, «направленной на экономическую, политическую и культурную инкорпорацию окраин. Ревизия не носила спонтанный характер и продолжила опыт 1880–1881 гг., имея целью сбор материала, который мог стать основанием для проведения широкого круга реформ, идея которых была сформулирована еще в период царствования Александра II, а план конкретных преобразований выработан и реализован при Александре III»⁸.

⁶ Андреев А. А., Гром О. А., Дмитриева Н. А., Крот М. Н., Нарезный А. И., Урушадзе А. Т. Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли. С. 567.

⁷ Урушадзе А. Т. Империя, которую мы (не) знаем // Новое прошлое = The New Past. 2021. № 1. С. 11.

⁸ Андреев А. А., Дмитриева Н. В., Урушадзе А. Т. Сенаторские ревизии как способ изучения провинции в поздней Российской империи (на примере ревизий национальных окраин конца XIX — начала XX в.) // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: в 2 т. Т. 1. Оренбург, 2020. С. 78.

Наличие уникального канала связи (сенаторские ревизии) между окраиной и центром и поздние реформы не предотвратили назревавший кризис. Специфическое общественное устройство Прибалтики во второй половине XIX в. уже вступило в противоречие с демократизацией страны. Влияние представителей так называемой «немецкой партии» на русскую правую публицистику сдерживало правительственную активность в «остзейском» вопросе, но не компенсировало рост национального самосознания латышей и эстов. В 1860-х гг. «в защиту прибалтийских порядков выступила консервативно-аристократическая “Весть”, пользовавшаяся поддержкой П. А. Валуева», а в 1880-х «в защиту остзейцев выступил другой печатный орган сословного консерватизма — газета В. П. Мещерского “Гражданин”»⁹. Эстляндский губернатор Н. Г. Бютинг видел причину разрушительных аграрных беспорядков в том, что «коренное население было недовольно именно попустительством русского центра произволу остзейских немцев»¹⁰. Внешний фактор влиял на положение национальных элит в незначительной степени. Справедливо утверждение А. И. Миллера: «Краёвцы и бессарабские элиты сходны в том, что в обоих случаях сопротивление националистическому проекту со стороны местных элит во многом было мотивировано боязнью маргинализации в польском или румынском национальном государстве. Вероятно, этот мотив сказывался и в поведении немецких элит Прибалтики»¹¹.

Использование прессы и периодики позволяет охарактеризовать идеологию проводившихся преобразований. В книге речь идет не столько об отвлеченных спекуляциях интеллектуалов, сколько об осмыслении проблемы окраинной России: ее границ, перспектив ассимиляции коренного населения, хозяйственного освоения, влияния консервативных и либеральных публицистов на власти. Период 1880–1900-х гг. рассмотрен как последняя попытка системно, теоретически и практически решить окраинный национальный вопрос. Укрепление имперского порядка проводилось по-разному, но обязательно включало дальнейшую бюрократизацию и русификацию управления. Стандартные аргументы консервативных публицистов о необходимости усилить «русское влияние» подразумевали не только административные и просветительские меры (как в первой половине XIX в.), но и прямое экономическое вмешательство центра в жизнь отдаленных регионов: поддержку массового крестьянского переселения, железнодорожное строительство, развитие специализированных отраслей сельского хозяйства. Если подобное вмешательство было осуществимо, хотя и не всегда удачно, в восточных частях империи, то на западе — в Польше, Финляндии — правительство столкнулось с противодействием уже сформировавшихся наций и в некоторой степени представителей русской радикальной интеллигенции, для которой, по утверждению финского историка Т. Вихавайнена «Великое княжество символизировало либерализм и законопослушность»¹².

⁹ Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917) / отв. ред. Д. Г. Янченко, М. В. Ходяков. СПб., 2020. С. 595–596.

¹⁰ Там же. С. 601.

¹¹ Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916 / под ред. А. И. Миллера, К. А. Соловьева. М., 2021. С. 260.

¹² Вихавайнен Т. Великое княжество Финляндское: часть государства, но не часть России // Два лика России. СПб., 2007. С. 19.

Национальная политика центральной власти напрямую связана с поставленной в последней четверти XIX в. масштабной задачей включения окраин в общеевропейское юридическое и экономическое пространство. Востребованным в контексте непрекращающихся споров историков и политологов следует назвать проведенный авторами разбор русификаторских концепций как попытки унификации западной окраинной политики. Польский вопрос, «как правило, рассматривался в ряду остальных “вопросов” и особо не выделялся»¹³. После восстания 1863 г. среди русских чиновников и служащих превалировала идея о справедливости жесткого правительственного курса в отношении Польши и польского влияния в Северо-Западном крае и Киевском генерал-губернаторстве. Сознательные или вынужденные переселения русских в Царство Польское понимались «не только как переезд в имперскую провинцию, но также как необходимое самопожертвование во имя государственных и национальных идей. Этими идеями были русификация, унификация, сглаживание органических, культурных и религиозных особенностей польских земель, защита и распространение русских идей, народности, языка, религии и культуры»¹⁴. Русские чиновники воспринимались польским обществом как враги, притеснители всего польского.

Проблемы двусторонних отношений рассмотрены в монографии в свете русификации западных губерний, «изначально определенных Россией как “возвращенных” в состав империи»¹⁵. Статус и перспективы Польши оценивались русскими публицистами в контексте двух крайностей общественных дискуссий и злободневной полемики вокруг критических статей о великодержавной политике России, чуждой европейским ценностям. Полемические работы, массово появлявшиеся с 1860-х гг. из-под пера иностранцев (Ф. Духинский, Э. Реньо, К. Маркс и др.) и охарактеризованные в монографии, интерпретировались русскими современниками вне зависимости от их идеологической ориентации как манифесты внешнеполитических противников России. Подобного рода сочинения были нацелены на отделение Западного края от империи, противопоставление малороссийского и белорусского населения великороссам. Консервативная публицистика, к которой прислушивалась власть, предлагала свои варианты решений, вплоть до отделения Польши от России, однако то, насколько польское общество было готово к поиску компромисса, — вопрос открытый. Публичность дискуссий 1860-х гг. привела к обострению национальных противоречий и отказу от компромисса царизма с польским обществом. «Империя менялась асинхронно, что само по себе таило трудности для дальнейшего развития страны. Поразительно, что важнейшим фактором для такого рода перекосов в эволюции России была именно общественная мысль, генерируемая микроскопической по численности и оппозиционной по направленности общественностью»¹⁶. Консервативная публицистика в такой ситуации «становилась частью противостояния не русского и польского этносов, но двух ветвей русской политической культуры: национального и сословного

¹³ Андреев А. А., Гром О. А., Дмитриева Н. А., Крот М. Н., Нарезный А. И., Урушадзе А. Т. Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли. С. 271.

¹⁴ Вех С. Русские в Царстве Польском во второй половине XIX в. и начале XX в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 2 (14). С. 210.

¹⁵ Андреев А. А., Гром О. А., Дмитриева Н. А., Крот М. Н., Нарезный А. И., Урушадзе А. Т. Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли. С. 272.

¹⁶ Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. С. 13.

направлений»¹⁷. Дискуссия сохранялась и в период думской монархии с постепенным усилением национального начала. В заключение 11-й главы авторы монографии пишут о согласии царского правительства на урегулирование польского вопроса в ходе Первой мировой войны. В статье С. В. Куликова и П. А. Трибунского показана утопичность планов об изменении статуса окраины в условиях глобального конфликта и германо-австрийской оккупации¹⁸.

В главе «Финляндия и империя: дискуссии о формах государственного устройства» вопрос о статусе великого княжества прослеживается на материалах затянувшихся споров 1840–1880-х гг. между представителями либеральной общественности, сформировавшими положительный образ окраины, и консерваторов. Реформаторские тенденции эпохи Александра II позволили подключить к обсуждению положения Финляндии русских ученых, историков и правоведов, государственных служащих С. И. Барановского, Б. Н. Чичерина, А. Д. Градовского, Н. М. Коркунова, затем земских деятелей В. Ю. Скалона, П. Д. Долгорукова. «В Финляндии стремились к тому, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания со стороны России, и в этом, кстати, преуспевали довольно долго, вплоть до конца XIX века»¹⁹, до опубликования печально известного февральского манифеста 1899 г.

В книге показано, как поэтапно с появлением журнальной периодики, объединявшей представителей либерального лагеря («Освобождение» и др.), «разрабатывается программа решения финляндского вопроса после установления конституционной формы правления в России»²⁰, как он становится частью политической программы либерального движения. Примечательно, что поздние проекты федерализации империи обосновывались на примере русско-финляндских отношений в теоретических работах известных дореволюционных юристов С. А. Корфа, Э. Н. Берендтса²¹. Авторы монографии обращают внимание читателя на появление в период Первой русской революции отдельных исследовательских брошюр Ф. Ф. Кокошкина, Н. И. Лазаревского, В. М. Гессена, публичного обсуждения возможной формы административно-территориального деления империи «с учетом национальных особенностей отдельных территорий»²².

К началу XX в., когда пресса так или иначе стала пользоваться относительной свободой в создании общественного мнения, служебная информация, полученная в том числе благодаря разнообразным «утечкам» из ведомств, могла значительно осложнить положение императорской власти, ослабить авторитет монарха. «Для некоторых чиновников периодическая печать давала возможность довести до сведения общественности проекты, негативно воспринятые в правящих сферах»²³. Записки чиновников генерал-губернаторских и губернских канцелярий по праву

¹⁷ Котов А. Э. Польский вопрос на страницах «Вестника Юго-Западной и Западной России» (1862–1864 годы) // Научный диалог. 2019. № 8. С. 270.

¹⁸ Куликов С. В., Трибунский П. А. Николай II, Совет министров и польский вопрос летом 1916 г. (по новым документам из архива А. Н. Яхонтова) // Вопросы истории. 2020. Т. 12 (2). С. 46.

¹⁹ Вихавайнен Т. Великое княжество Финляндское... С. 20.

²⁰ Андреев А. А., Гром О. А., Дмитриева Н. А., Крот М. Н., Нарезный А. И., Урушадзе А. Т. Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли. С. 323.

²¹ Подробнее см.: Петров Е. В. С. А. Корф (1876–1924): правовед, дипломат, общественный деятель. СПб., 2017.

²² Андреев А. А., Гром О. А., Дмитриева Н. А., Крот М. Н., Нарезный А. И., Урушадзе А. Т. Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли. С. 390.

²³ Миронов Б. Н. Российская империя... Т. 2. СПб., 2015. С. 768.

считаются одним из самых содержательных и ценных источников сведений, «сенаторы в своих всеподданнейших отчетах о результатах проведенных ревизий во многом выступали фильтром тех модернизационных предложений, которые поступали от местных чиновников, выполнявших экспертные функции в ходе проведения ревизий»²⁴. К примеру, сенатор Н. М. Рейнке, ревизовавший учреждения Тифлисской судебной палаты, «опирался в своих оценках преимущественно на данные местных судебных чиновников, прослуживших на Кавказе много лет, а сами чиновники воспринимали ревизора не как разоблачителя, но как персонафицированную возможность показать далекой столице проблемы и потребности окраины»²⁵.

Попытки ликвидации «кадрового голода» рассматриваются в VI разделе монографии на кавказском опыте. Создание сети учебных заведений — процесс, растянувшийся на полтора столетия и сопровождавшийся неудачами, задержками, связанными со сложной военно-политической ситуацией, незавершенностью социально-экономических преобразований, отсутствием индустриальной базы. В этих условиях кадры, подготавливаемые администрацией края в столице и регионе, должны были обеспечивать прежде всего текущие потребности повседневного управления. Они не могли стать полноценными выразителями интересов местного населения вплоть до конца XIX в. Политика на Кавказе, «как и на других окраинах государства Романовых, была значительно сложнее и формировалась из различных центров власти, одним из которых был Тифлис»²⁶. До середины 1860-х гг. кавказское дворянство, как и в центральной России, вполне удовлетворялось юридическими гарантиями своих преимуществ и наряду с церковью оставалось опорой власти. В монографии показано, как пореформенная нехватка кадров и последовательные образовательные инициативы управлявших краем А. И. Барятинского и великого князя Михаила Николаевича привели к появлению в начале 1880-х гг. слоя квалифицированных чиновников — уроженцев Кавказа (с. 409–414).

Петербургскую бюрократию традиционно волновал вопрос религиозной принадлежности «туземных» коллег. В Закавказье наиболее близкой к общеимперской сословной организации и, стало быть, «цивилизованной» с точки зрения столичного чиновника считалась Грузия. Распространение русского языка, юридическая унификация имперского пространства до начала XX в. не имели принципиального значения для администрации: «на русском говорили в основном грузины Тифлиса, в остальных же регионах исторической Грузии (за исключением крупных городских центров) население почти не знало государственного языка»²⁷. Растущий столичный национализм в 1890–1910-х гг. оттеснил национальные кадры от управления регионом и привел к формированию интеллигенции, готовой к созданию самостоятельных государств. Ее представители из числа грузин, армян и азербайджанцев пытались добиться в кратчайший срок максимальных уступок со стороны власти путем поддержки революционных партий. В 1906–1917 гг. оппозиция, в том

²⁴ Андреев А. А., Дмитриева Н. В., Урушадзе А. Т. Сенаторские ревизии как способ изучения провинции... С. 81.

²⁵ Урушадзе А. Т. Империя, которую мы (не) знаем. С. 13.

²⁶ Урушадзе А. Т., Щербаков В. Ю. Грузинское общество в XIX веке: особенности интеграции в пространство Российской империи // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9, № 1. С. 387.

²⁷ Там же.

числе национальная, уже обладала развернутыми и радикальными программами реформ. В политику приходили «не только высокопоставленные чиновники, депутаты Думы, члены Государственного совета, но и стоявшие за ними группы влияния: корпоративные, национальные, региональные объединения, биржевые комитеты, органы местного самоуправления, наконец партии, политические кружки, союзы»²⁸. В сложившейся системе управления национальным кадрам на Кавказе и в Средней Азии в лучшем случае отводилась роль статистов в урегулировании региональных конфликтов. Власть использовала совокупность локальных противоречий для сдерживания социального взрыва. Русские чиновники медленные темпы переселения на Кавказ объясняли культурно-бытовыми, языковыми и климатическими особенностями края, хотя на самом деле это свидетельствовало о постепенном исчерпании традиционной имперской модели управления окраинами.

Модернизация исламского мира империи, начавшаяся с 1880-х гг., традиционно связывается в историографии с развитием буржуазных отношений на среднеазиатской окраине. По мнению Р. Круза, «собственная политика режима парадоксальным образом содействовала сложению общей конфессиональной и политической идентичности среди разбросанных и разнообразных мусульманских общин»²⁹. Формирование среди духовенства медресе и мектабов нелегальных кружков джадидов (с. 442), эволюция их политических взглядов и степени влияния рассмотрена в 18-й главе монографии. Проблема представляется не до конца изученной историками в силу языковой специфики. Авторы книги предприняли удачную попытку осмыслить ее с позиции конструктивного взаимодействия власти и коренного населения. Появление исламской периодики трактуется «как компромиссное решение колониальной администрации и представителей высших торговых слоев из местного населения»³⁰. Постепенное просвещение «колонии» должно было происходить с выгодой для власти. Авторы обращают внимание на воздействие татарско-тюркской общественной мысли, а также пропаганды османских младотурков на киргизских (казахских) националистов. При детальном анализе демографической и социальной ситуаций в Средней Азии начала XX в. актуальными представляются подходы Б. Н. Миронова. В частности, при характеристике общественного мнения русского крестьянства и городских низов XIX в. историк обратил внимание на его однородность и всеобщность: оно не разделялось, в отличие от мнения «образованного общества, на множество оттенков, течений, вариантов, так как индивидуализм не успел пустить глубокие корни в их среде»³¹. Показательно, что пресса среднеазиатских джадидов в целом поддерживала политику России даже в годы Первой мировой войны (с. 446). Это отчасти объясняется тем, что процесс формирования национальной интеллигенции не был завершен, а идеология движения осталась противоречивой.

Первая русская революция, съезды земских и городских деятелей, пересмотр положения инородцев вызвали к жизни проекты региональных автономий в составе России (с. 468–469). Булыгинские проекты 6 августа 1905 г. четко обозначи-

²⁸ Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. С. 8.

²⁹ Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М., 2020. С. 351.

³⁰ Андреев А. А., Гром О. А., Дмитриева Н. А., Крот М. Н., Нарезный А. И., Урушадзе А. Т. Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли. С. 440.

³¹ Миронов Б. Н. Российская империя... Т. 2. СПб., 2015. С. 757.

ли будущие ограничения национального представительства в Думе, их учли при разработке последующих региональных Положений о выборах (с. 473). В думский период проблема радикализации общественных дискуссий об окраинной политике, как показано в V–VII разделах книги, затронула все изучаемые макрорегионы. Несмотря на короткие созывы Думы в 1906–1907 гг. и незначительное число национальных представителей, это был интересный, уникальный опыт. Он не повлиял существенным образом на разработку нового Положения об управлении Туркестаном, не изменил общей аграрной политики самодержавия, но у значительной части населения, не связанной с местной администрацией, появилась возможность участвовать в законодательной деятельности. Предвыборный процесс и агитация велись по общероссийским принципам.

Появление Основных законов 23 апреля 1906 г. отразилось на положении ранее полновластных хозяев окраин — губернаторов, генерал-губернаторов и наместника на Кавказе. Еще при Александре III поддержка и зависимость от центральных учреждений была решающим фактором для сохранения должности (с. 72–73). С приходом к власти П. А. Столыпина и появлением Думы роль правительства в решении вопросов, связанных с правами народов национальных окраин, резко возросла. При детальном изучении материалы сенаторской ревизии Туркестана К. К. Палена, ранних проектов комиссии К. А. Несторовского, предложений А. В. Самсонова по Средней Азии³², а И. И. Воронцова-Дашкова по Кавказу представляются более содержательными для характеристики русской колонизации и царской политики на окраинах в 1905–1917 гг.

Третьеиюньская избирательная система, упразднившая представительство Средней Азии и сократившая количество кавказских депутатов, правый состав Думы третьего и четвертого созывов сделали невозможными объединение национально-региональных групп, обсуждение в российских законодательных учреждениях аграрного вопроса на окраинах в интересах коренного населения. Власть в оставшееся десятилетие не смогла предложить ущемленным в правах регионам альтернативного представительства. При этом «не следует забывать, что на “век национализмов” пришелся лишь сравнительно небольшой период имперской истории, собственно, и ставший для нее последним. Поэтому вывод об эффективности “имперского этнопатернализма” представляется не столь очевидным»³³. Обоснованно утверждение авторов книги о неудаче правительственного курса на централизацию и бюрократизацию государственного управления. «Домодерные модели администрации, основанные на доверии монарха своим местным начальникам, показали себя в ряде случаев более эффективной стратегией»³⁴. Личностные факторы, влияние на принимаемые решения прессы и публицистики, готовность власти и оппозиции их использовать — важные особенности административных практик империи, проанализированные в исследовании Южного научного центра РАН. Дальнейшее изучение управленческого конфликта центра и регионов в контексте

³² Подробнее см.: *Мамаев А. В.* Подготовка реформы управления Туркестанским краем в начале XX века: экономические аспекты // Научный диалог. 2019. № 11. С. 388–406.

³³ *Дворниченко А. Ю., Котов А. Э.* Столетний юбилей великих потрясений в зеркале новейшей российской историографии // Былые годы. 2018. Т. 50, вып. 4. С. 1754.

³⁴ *Андреев А. А., Гром О. А., Дмитриева Н. А., Крот М. Н., Нарезный А. И., Урушадзе А. Т.* Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли. С. 72.

истории российской модернизации имеет не меньший потенциал, чем дискуссии о русском «колониализме», навязываемые зарубежными исследователями.

Недочетом рецензируемой монографии является отсутствие развернутого очерка по Сибири и Дальнему Востоку. Обширные российские территории, населенные, в частности, этническими меньшинствами, были основными объектами русской колонизации в последней четверти XIX — начале XX в. Маньчжурия, с линией КВЖД, — последняя попытка инкорпорировать новую национальную окраину в состав империи. С середины 1890-х гг. переселение из центральной, южной и западной России виделось властям в Петербурге способом модернизации пустынных территорий на востоке. Создание сельскохозяйственной и сырьевой базы для снабжения стремительно разрастающихся городов и поселков вдоль железнодорожных линий и крупных рек — последний успех монархии на восточных рубежах. Немаловажными для западных национальных окраин России оставались экономические проблемы, связанные с внутренней и внешней миграцией. «По политическим причинам Россию обычно покидали евреи, поляки, литовцы, отчасти немецкие колонисты. Впрочем, для большинства перечисленных этнических групп политический фактор часто был неразрывно связан с экономическим — большинство эмигрантов “инородческого” происхождения не устраивали политические и экономические реалии Российской империи»³⁵.

В XX в. «домодезные доверительные отношения были отброшены, а полноценная и эффективная модерная система управления так и не сформировалась»³⁶. Административно-политический тупик власти не означал, что поиск новой имперской стратегии прекратился. На рубеже веков рассматриваемые в монографии регионы, так или иначе, оказались вовлеченными в переселенческую программу правительства. Перераспределились ведомственные влияния внутри объединенного Совета министров, доверительный персонализированный характер отношений отчасти сохранился между царем, отдельными бюрократами и представителями знати в регионах. Правительство «надежно контролировало этноконфессиональные отношения, сохраняя подданных в состоянии “умеренного недовольства”. Нарастание силы национальных сепаратизмов происходило уже в контексте войны...»³⁷. Одними из самых успешных в условиях кризиса империи считались действия облеченной чрезвычайными полномочиями властной структуры — института наместничества на Кавказе³⁸. При этом сам наместник — до 1915 г. И. И. Воронцов-Дашков — «должен был постоянно бороться за свою самостоятельность, доказывая императору необходимость автономной формы управления краем»³⁹.

Развитие средств коммуникации во второй половине XIX в., рост государственных и частных вложений в строительство «вен империи» — железных до-

³⁵ Иванов А. А., Котов А. Э. Экономическое значение и попытки регулирования зарубежной трудовой миграции на западных окраинах Российской империи (конец XIX — начало XX века) // Новейшая история России. 2020. № 1. С. 71.

³⁶ Там же. С. 73.

³⁷ Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. С. 18.

³⁸ Yanchenko D. G., Shorokhov V. A. The Caucasian Policy of the Imperial Branches of power during the First Russian revolution // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62, № 4. С. 689–690.

³⁹ Андреев А. А., Гром О. А., Дмитриева Н. А., Крот М. Н., Нарезный А. И., Урушадзе А. Т. Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли. С. 471.

рог — не привели к решению транспортных проблем. «Сжатия расстояний» (понятное явление для современного путешественника) не произошло. «С появлением железных дорог устная информация стала передаваться быстрее, но механизм формирования и распространения мнений остался прежним»⁴⁰. В полной мере это относилось к ускорению административного взаимодействия столичных и региональных властей. Центр вынужденно приспособлялся, откладывал унификацию законодательства.

Авторы коллективной монографии «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли» провели актуальную и значимую научную работу. Они успешно показали читателям, насколько разным — консервативным, либеральным или радикальным — было общество столиц и иноэтничной периферии при четырех российских монархах; как вместе с изменением общественно-политической ситуации менялись приоритеты власти.

References

- Andreev A. A., Dmitrieva N. V., Urushadze A. T. *Senatorskie revizii kak sposob izucheniia provintsii v pozdnei Rossiiskoi imperii (na primere revizii nacional'nykh okrain kontsa XIX — nachala XX v.). Desiatye Bol'shakovskie chteniia. Orenburgskii krai kak istoriko-kul'turnyi fenomen*. Vol. 1. Orenburg, OGPU Press, 2020, pp. 75–82. (In Russian)
- Andreev A. A., Grom O. A., Dmitrieva N. V., Zavialova O. O., Krot M. N., Narezhny A. I., Urushadze A. T. *Natsional'nye okrainy v politike Rossiiskoi imperii i russkoi obshchestvennoi mysli*. Rostov-on-Don, SSC RAS Press, 2020, 192 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu., Kotov A. E. The Centenary of the Great Upheavals in the Mirror of the Latest Russian Historiography. *Bylye Gody*, 2018, vol. 50, issue 4, pp. 1752–1765. (In Russian)
- Ivanov A. A., Kotov A. E. The economic importance and the attempts to regulate the foreign labor migration in the Western part of the Russian Empire (late 19th — early 20th century). *Modern History of Russia*, 2020, no. 1, pp. 70–88. (In Russian)
- Kotov A. E. Polish Problem in “Bulletin of South-Western and Western Russia” Journal (1862—1864). *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*, 2019, no. 8, pp. 258–272. (In Russian)
- Kruz R. *Za proroka i tsaria. Islam i imperiia v Rossii i Tsentral'noi Azii*. Moscow, NLO Publ., 2020, 408 p. (In Russian)
- Kulikov S. V., Tribunskii P. A. Nicholas II, the Council of ministers and the polish question in the Summer of 1916 (According to new documents from the archive of A. N. Yakhontov). *Voprosy Istorii*, 2020, no. 12 (2), pp. 30–49. (In Russian)
- Mamaev A. V. Management of the Turkestan Region Reform Preparation at the Beginning of the 20th Century: Economic Aspects. *Nauchnyi dialog*, 2019, no. 11, pp. 388–406. (In Russian)
- Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2014, vol. 1, 896 p.; 2015, vol. 2, 912 p. (In Russian)
- Petrov E. V. *S. A. Korf (1876–1924): pravoved, diplomat, obshchestvennyi deiatel'*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2017, 280 p. (In Russian)
- Rossiiskaia imperiia mezhdu reformami i revoliutsiiami, 1906–1916*. Eds A. I. Miller, K. A. Solov'ev. Moscow, Quadriga Publ., 2021, 788 p. (In Russian)
- Urushadze A. T. Imperiia, kotoruiu my (ne) znaem. *Novoe Proshloe / The New Past*, 2021, no. 1, pp. 820. (In Russian)
- Urushadze A. T., Shcherbakov V. Iu. Georgian society in the 19th century: features of integration into the space of the Russian Empire. *Quaestio Rossica*, 2021, vol. 9, no. 1, pp. 381–389. (In Russian)
- Vekh S. Russians in the Kingdom of Poland in the second half of the 19th century and early 20th century. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2013, no. 2 (14), pp. 198–215. (In Russian)

⁴⁰ Мironov B. H. Российская империя... Т. 2. СПб., 2015. С. 753.

- Vihavainen T. Velikoe kniazhestvo Finliandskoe: chast' gosudarstva, no ne chast' Rossii. *Dva lika Rossii*. St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 2007, 378 p. (In Russian)
- Yanchenko D. G., Khodjakov M. V., Ivanov A. A., Kotov A. E., Stepanov V. L., Mamaev A. V., Saginadze E. O., Starovoitova E. O., Alimdjanov B. A., Slobozian G. M. *Tsentri i regiony: ekonomicheskaja politika pravitel'stva na okrainakh Rossijskoi imperii (1894–1917)*. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2020, 660 p. (In Russian)
- Yanchenko D. G., Shorokhov V. A. The Caucasian Policy of the Imperial Branches of power during the First Russian revolution. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 4, pp. 674–692.

Статья поступила в редакцию 10 мая 2021 г.

Рекомендована в печать 14 сентября 2021 г.

Received: May 10, 2021

Accepted: September 14, 2021